

Л. Калюжная

Александр Николаевич Островский

(1823—1886)

(в сокращении)

Александр Николаевич Островский родился 31 марта (12 апреля) 1823 года в Москве на Малой Ордынке. Отец его, Николай Федорович, был сыном священника и сам окончил Костромскую семинарию, затем Московскую духовную академию, однако стал практиковать как судебный стряпчий, занимаясь имущественными и коммерческими делами. Николай Федорович дослужился до чина титулярного советника, а в 1839 получил дворянство. Мать, Любовь Ивановна Саввина, дочь пономаря, оставила по себе память как женщина необычайно доброй души и жизнерадостного нрава. К сожалению, она рано ушла из жизни, когда Александру шел всего восьмой год.

Благодаря незаурядной деловитости отца семья, в которой было четверо детей, жила в достатке. В доме имелась богатая библиотека, приглашались хорошие преподаватели, и Александр смог получить прекрасное домашнее образование: знал греческий, латинский, французский, немецкий языки.

Спустя пять лет после смерти матери отец женился на баронессе Эмилии Андреевне фон Тессин, дочери обрусевшего шведского дворянина. С мачехой детям повезло — она окружила их заботой, привила вкус к музыке, иностранным языкам. Александр, кроме названных, овладел английским, итальянским, испанским языками.

После окончания 1-й Московской гимназии (1840) он поступил в Московский университет на юридическое отделение, но через два года, увлекшись литературой и театром, оставил учебу. По требованию отца вынужден был устроиться чиновником в Совестный суд, затем перешел в Коммерческий суд. Служба не вытравила из него «литературщину», в это время он изучает драматургию Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, читает в подлинниках Шекспира, Мольера, Гольдони, Сервантеса. В набросках его статьи о Диккенсе сохранилась примечательная запись, сделанная в период больших намерений:

«Изучение изящных памятников древности, изучение новейших теорий искусства пусть будет приготовлением художнику к священному делу изучения своей родины, пусть с этим запасом входит он в народную жизнь, в ее интересы и ожидания».

Островский был европейски образованным человеком, и его патриархальность, народность, столько раз побиваемая русскими западниками, происходила не от недостатка образованности, а являлась сутью его художественного гения.

В 1847 Островский опубликовал в «Московском городском листке» свой первый литературный опыт под названием «Несостоятельный должник», ставший основой его дебютной комедии «Свои люди — сочтемся!» (первоначальное название — «Банкрот»). На даче Михаила Погодина в 1849 комедию в чтении автора услышал Гоголь и отозвался о ней с большой похвалой. Тем не менее сцены комедия не увидела — она была запрещена цензурой, а сам автор как политически неблагонадежный был отдан под надзор полиции. Постановка этой пьесы осуществилась только через 11 лет.

Молодой Островский, как многие начинающие литераторы того времени, не избежал магии идей «неистового Виссариона». Страстный социалист, убежденный атеист, Виссарион Белинский призывал к радикальным переменам в русской жизни, формируя обличительное литературное направление. Каждое новое поколение считает, что оно призвано переустроить мир, и Островский внес в это свою посильную дань, потому с первых шагов и «приглянулся» цензуре. Вообще, кроме первой пьесы, под цензурным запретом находились: «Семейная картина» — 8 лет, «Доходное место» — 6 лет, «Воспитанница» — 5 лет, «Козьма Захарыч Минин-Сухорук» — 5 лет. Этому немало поспособствовала и револю-

ционно-демократическая критика, сразу поднявшая талантливую драматурга на щит своих идей.

Обличительное умонастроение молодого Островского сказалось и в других пьесах начального периода: «Семейная картина» (1847), «Свои люди — сочтемся!» (1849), «Утро молодого человека» (1850), «Неожиданный случай» (1850), «Бедная невеста» (1851), а позднее — «Не сошлись характерами» (1857).

Если бы драматург ничего больше не написал, он мог бы остаться в истории литературы как законченный мизантроп, поскольку в этих пьесах нет ни привлекательного лица, ни отрадного уголка. Так, в комедии «Свои люди — сочтемся!», наиболее значительной из названных пьес, жизнь представлена как торжество всеобщего плутовства и беззакония.

Перелом во взглядах драматурга произошел примерно в 1852. Ушел нигилизм, свойственный молодости, и отлетел дух отрицания. К этому времени Островский сблизился с молодой редакцией журнала «Москвитянин» — Аполлоном Григорьевым, Третьим Филипповым, Борисом Алмазовым, Евгением Эдельсоном и др., объединившимися вокруг издателя журнала Михаила Погодина.

Общественно-литературная позиция «Москвитянина», несмотря на некоторые разногласия, была близка славянофильской:

«Дух и направление “Москвитянина” неизменны. Почтение к Истории, к преданию, вместе с желанием успеха поступательному движению вперед — его правила. Петербургские журналы смотрят больше на Европу, “Москвитянин” — на Россию, сочувствуя, впрочем, Европе» (из объявления о выходе журнала).

Под этой звездой Островским написаны комедии «Не в свои сани не садись» (1852), «Бедность не порок» (1853), «Не так живи, как хочется» (1854). В отличие от предыдущих пьес, они лишены критического пафоса «бичевания пороков». Во время работы над пьесой «Не в свои сани не садись» (1852) Островский писал Михаилу Погодину, что в первых комедиях его взгляд на жизнь теперь ему кажется «молодым и слишком жестоким»: «...Пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся без нас».

После этих пьес Островского заподозрили в отходе от прогрессивных идей, радикальные критики обвинили его в «ложной идеализации устарелых форм» жизни (Чернышевский), а Н. Щербина сочинил эпиграмму, рисующую драматурга «квасным патриотом»:

Со взглядом пьяным, взглядом узким,
Приобретенным в погребу,
Себя зовет Шекспиром русским
Гостинодворский Коцебу.

От драматурга требовали односторонности, но по самой своей натуре Островский был человеком эпического склада, принимающим жизнь во всех ее проявлениях. Это эпическое мироощущение позволило зрелому Островскому увидеть мир во всей многогранности, безошибочно ощутить многие исторические сдвиги. Представлять его драматургом, обслуживающим ту или иную популярную идею, значит, умалять его творчество. Так, Добролюбов в своей знаменитой статье «Темное царство» рассматривал пьесы Островского только как критику крепостнической России, затхлого купеческого мирка, находя в этом призыв к революционным преобразованиям, тем самым подверстывая его творчество под свою политическую концепцию.

Сама картина жизни в России менялась. Дворянство приходило в упадок: «Было большое село, да от жару в кучу свело. Все-то разорено, все-то промотано», — говорит герой комедии Островского «Не в свои сани не садись».

В пьесах драматурга довольно часто встречается тип праздного, промотавшего дедовское и отцовское наследство дворянчика, ведущего охоту на богатых невест среди купеческого сословия, сколачивающего многомиллионные состояния и набирающего политическую силу. Эта историческая «смена мест» отражена в блестящих комедиях

«На всякого мудреца довольно простоты» (1868), «Бешеные деньги» (1869), «Лес» (1870), «Волки и овцы» (1875).

Сатирически показал Островский дикие и алчные нравы купечества в период «первоначального накопления капитала», но это закономерность, характерная для многих стран на заре капитализма. Не будем забывать, что из купеческого сословия вышли и знаменитые промышленники, укреплявшие мощь России, и известные меценаты, оказавшие неоценимую помощь развитию культуры и искусства.

Одна из самых знаменитых пьес Александра Островского — драма «Гроза» (1859) тоже была вовлечена критикой в идеологическую «работу». В замужней женщине, воспитанной в религиозных традициях, которая полюбила другого и трагически не сумела пережить свой грех, Добролюбов увидел едва ли не революционерку. В статье «Луч света в темном царстве» критик придал Катерине героические черты борца с «темным царством», то есть, получается, со всей царской Россией.

Не свекровь Кабаниха, по Добролюбову, олицетворяющая «темное царство», сгубила Катерину, а личное отношение героини к своей «преступной» любви. Вряд ли Островский, человек христианского мирозерцания, намеревался в самоубийстве Катерины, что считается самым страшным грехом, показать свободолюбивый пример для подражания. В этой блестящей психологической драме заложен более глубокий смысл — борьба между долгом и влечением. Эту же тему продолжил в «Анне Карениной» Толстой.

С «Грозой» связана и личная драма Александра Островского. В рукописи пьесы, рядом со знаменитым монологом Катерины: «А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и все поют невидимые голоса...», есть приписка Островского: «Слышал от Л.П. про такой же сон...»

Л.П. — это актриса Любовь Петровна Косицкая. Она, как и Катерина, выросла на Волге. Будучи родом из семьи крепостных (позже выкупившейся), Любовь Петровна шестнадцати лет сбежала из дома, чтобы стать актрисой. Ко времени знакомства с драматургом она уже была знаменитостью. В ее исполнении тридцатилетний Островский впервые услышал со сцены свою пьесу. Это была комедия «Не в свои сани не садись», выбранная актрисой для бенефиса. «В бенефис Л.П. Косицкой, 14 января 1853 года, я испытал первые авторские тревоги и первый успех», — писал Островский. Впоследствии «Не в свои сани не садись» он называл своей любимой пьесой.

Любовь Косицкая стала не только счастливым талисманом начинающего драматурга, подарив ему первую удачу, но и многолетней, довольно мучительной любовью.

Вообще Александра Островского принято представлять каким-то отяжелевшим, с мрачной думой на челе, господином, будто это не он принес на сцену столько шуток-прибауток, юмора, веселых историй, комических персонажей. Совсем другим рисует его в своих воспоминаниях известный певец Де-Лазари, выступавший под фамилией Константинов:

«Страшно увлекался он всем и всеми, а в особенности женщинами. А о своей наружности был весьма высокого мнения и до чрезвычайности любил зеркало. Ведя с кем-нибудь разговор, он старался смотреть в зеркало. Он целый час был в состоянии спорить, чувствовать, плакать, злиться, ругать, но лица его вы не увидите. Лицо свое, со всеми оттенками радости, жалости, насмешки, злости, — видит только он один».

По поводу зеркала мемуарист иронизирует зря: изучать все оттенки чувств на лице — профессиональная задача драматурга, а вот снять «хрестоматийный глянец» с образа классика ему удалось.

Любовь Косицкая позже играла в драме «Гроза». Современники называли ее «лучшей из Катерин», а исследователи творчества Островского полагали, что Катерина во многом «списана» с той же Косицкой. В одной из сцен Катерина произносит удивительно поэтические слова:

«...До смерти я любила в церковь ходить! Точно, бывало, я в рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится... а знаешь, в солнечный день из купола такой светлый столб

идет, и в этом столбе ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют».

Берг вспоминал, как во время похорон Гоголя ехал вместе с Александром Островским и Любовью Косицкой в одних санях к Данилову монастырю, и актриса, завидев купола, стала припоминать свои детские ощущения в церкви. «Спутник все это слушал, слушал вещим, поэтическим слухом и — после вложил в один из самых удачных монологов Катерины...» — свидетельствует мемуарист.

Любовь Петровна не стала женой Островского. Когда завязывалась их дружба-любовь, она была замужем. Став вдовой, продолжала отвергать его предложения руки. «...Я не хочу отнимать любви Вашей ни у кого», — писала она, намекая, возможно, на Агафью Ивановну, с которой драматург жил в невенчаном союзе и имел общих детей.

Знаменитая Агафья Ивановна! К ней ходили на поклон многие столичные актеры — получить по ее словечку роль в пьесе Островского, поплакаться на жизнь... Внешне неприметная женщина, из простонародья, она отличалась незаурядным умом (ей первой читал драматург свои произведения), душевным, веселым нравом, необычайным гостеприимством, прекрасно исполняла русские песни и пользовалась огромным уважением у литературной Москвы.

Однако не Агафья Ивановна была причиной разрыва отношений «...Я не шутила с вами и не играла с душой вашей, а я себя не помнила...» — писала Любовь Косицкая в прощальном письме Александру Николаевичу. Действительно, «себя не помнила». Несмотря на многие предостережения, Любовь Петровна, натура страстная и своевольная, увлеклась легкомысленным купеческим сыном, будто явившимся на свет прямо из пьес Островского. Он промотал все ее немалое состояние, оставив актрису в нищете и болезнях. От этого удара судьбы она так и не смогла оправиться.

С Агафьей Ивановной Островский прожил без малого двадцать лет, а после ее кончины через два года, в 1869, обвенчался с артисткой Марией Васильевной Бахметьевой, которая подарила ему четырех сыновей и двух дочерей (все дети от Агафьи Ивановны умерли в малолетстве).

Большое место в жизни драматурга занимала дружба с династией артистов Садовских. Отец, Пров Михайлович, прославился блестящим исполнением роли русского праведника Любима Торцова («Бедность не порок»), а также таких колоритных фигур, как купец Большов — самодур, ставший русским «королем Лиром» («Свои люди — сочтемся!»), грозный Тит Титыч («В чужом пиру похмелье») и др. Его сын Михаил Провыч, воспитанный Островским, тоже стал знаменитым актером, лучшим исполнителем молодых персонажей из пьес своего крестного отца. Жена Михаила Провыча Ольга Садовская с успехом выступала в ролях купчих, мещанок Островского.

Знание актерской среды позволило драматургу создать такие шедевры, как комедии «Таланты и поклонники», «Лес» и др.

Гоголевскую тему робкого, маленького человека Островский продолжил в гениальной трилогии о Бальзаминове: «Праздничный сон — до обеда» (1857), «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» и «За чем пойдешь, то и найдешь» (обе — 1861). Так же, как мелкий чиновник Акакий Акакиевич возлагал большие надежды на новую шинель, его младший коллега Миша Бальзаминов — на богатую невесту. Эта трилогия Островского конгениально воплощена в знаменитом фильме «Женитьба Бальзаминова», который вот уже несколько десятков лет не сходит с экрана.

Из-под пера Островского вышла и серия исторических хроник: «Козьма Захарыч Минин-Сухорук» (1861, вторая редакция — 1866), «Воевода» (1864, вторая редакция — 1885), «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866), «Тушино» (1866), «Василиса Мелентьева» (совместно с С. Геденовым; 1867).

Как правило, лето Александр Николаевич проводил в своем имении Щельково в Костромской губернии. Утром 2 июня 1886 он по обычаю работал в кабинете, просматривая перевод «Антония и Клеопатры» Шекспира, рядом находилась старшая дочь

Мария. «Вдруг отец вскрикнул: “Ах, мне дурно”, – рассказывала она. – Я побежала за водой, и только что вошла в гостиную, как услышала, что он упал». На ее крик прибежали братья Михаил и Александр, подняли отца. На их руках через несколько секунд он скончался.

Погребен Александр Николаевич Островский у церкви, рядом с могилой своего отца, на кладбище Ново-Бережки, расположенном недалеко от Щелькова.

Когда-то, во время пушкинских торжеств в Москве, Островский в своей речи высказал замечательную мысль, что через Пушкина умнеет все, что только способно поумнеть. Эти же слова мы можем сказать и в адрес великого драматурга.